

дальше и обращаетъ Петра Иваныча въ злодѣя, требующаго отъ Фроси чуть не дѣтоубійства, въ жалкаго труса, въ составителя ложныхъ доносовъ. Какимъ образомъ такой человѣкъ могъ не только поправиться Фросѣ, но поддерживать въ ней иллюзію нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ окончательнаго сближенія—это остается для насъ совершенно непонятнымъ. Чувство мѣры измѣнило автору—и конецъ повѣсти, вслѣдствіе этого, значительно ниже ея начала. Докторъ Гордѣевъ и братъ Фроси, Пименъ—фигуры нѣсколько шаблонныя, слишкомъ напоминающія заурядныхъ „новыхъ людей“ недавней беллетристики. „Исторія моихъ героевъ“—таковы заключительныя слова повѣсти—„только начинается; когда-нибудь я расскажу о нихъ“. Очень рады этому обѣщанію; Петръ Иванычъ—если авторъ отнесется къ нему болѣе спокойно—можетъ сдѣлаться лицомъ весьма интереснымъ и вполнѣ современнымъ.

— *Сочиненія И. А. Салова. Повѣсти и рассказы, въ двухъ томахъ. С.-Петербургъ и Москва 1884.*

Имя г. Салова сдѣлалось извѣстнымъ недавно, въ концѣ семидесятыхъ годовъ; многіе—не исключая даже присяжныхъ критиковъ—считаютъ его, повидимому, молодымъ беллетристомъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; мы узнаемъ изъ „Очерковъ по исторіи города Саратова и Саратовской губерніи“, первый выпускъ которыхъ только что изданъ Н. Ф. Хованскимъ ¹⁾, что г. Саловъ началъ свою литературную дѣятельность еще въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ и только возобновилъ ее въ 1877 г., послѣ семнадцатилѣтняго перерыва. Изъ числа рассказовъ, относящихся къ первому періоду, въ составъ настоящаго изданія вошли только три („Забутая усадьба“, „Мертвое тѣло“ и „Путиловскій регентъ“) — и они значительно слабѣе всего

¹⁾ Сборники этого рода весьма полезны, и мы желаемъ полного успѣха предпріятію г. Хованскаго; намъ кажется только, что ему слѣдовало бы нѣсколько измѣнить принятую имъ систему. Говоря о писателяхъ—уроженцахъ или жителяхъ саратовской губерніи, онъ ограничивается болѣею частью свѣдѣніями о мѣстѣ ихъ рожденія, воспитанія, службы и перечисленіемъ ихъ статей или сочиненій. Когда рѣчь идетъ о писателяхъ извѣстныхъ, выдающихся изъ ряда, данныя этого рода не лишены интереса; но въ большинствѣ случаевъ г. Хованскому приходится говорить о *célébrités du clocher*, формулярный списокъ которыхъ рѣшительно никому не нуженъ. Біографіи послѣдней категоріи становятся занимательными только тогда, когда даютъ матеріалъ для характеристики цѣлыхъ общественныхъ сферъ—учебныхъ заведеній, духовенства, чиновничьяго міра и т. д. Этому условію соответствуетъ похвальнѣе, въ сборникъ г. Хованскаго, одинъ только очеркъ, посвященный А. Ф. Леопольдову. Если издатель постарается собрать для слѣдующихъ выпусковъ побольше воспоминаній въ родѣ тѣхъ, которыя даны имъ на стр. 177—179 или обѣщаны на стр. 167, то изданіе его будетъ имѣть значеніе не для однихъ только саратовцевъ.